

*Моей матери, которая показала мне,
что мир слишком велик, чтобы постоянно находиться
в одном и том же месте*

Нормальность — это мощеная дорога: по ней
удобно ходить, но на ней не растут цветы.

ВИНСЕНТ ВАН ГОГ

Когда смерть придет за тобой, пусть она за-
станет тебя живым.

АФРИКАНСКАЯ ПОСЛОВИЦА

Пролог

Я очень часто думаю о смерти.

Не как о чем-то холодном, отрешенном и извращенном — хотя, наверное, что-то извращенное в этом есть — и не из желания свести счеты с жизнью. Просто иногда я представляю тот день, когда я умру. Думаю о том, возьмет ли отец на себя заботы о похоронах, выберет ли он особенную эпитафию или одну из самых банальных, что встречаются на каждом кладбище, будет ли красивой моя могила. Мне бы хотелось, чтобы она была красивой — пусть даже никто и никогда на нее не придет. И чтобы на ней не было живых цветов. Если это единственное, что останется от меня на земле после смерти, то пусть лучше там не будет увядающих растений.

Я часто думаю о смерти — и это довольно одинокое занятие. И хотя все мы прекрасно понимаем неизбежное, никто не любит произносить вслух, что когда-нибудь умрет. Мы предпочитаем жить в иллюзии, где время бесконечно и все всегда можно отложить на потом. Нам нравится верить, что у нас обязательно будет «завтра», «послезавтра» и «через десять лет». Я еще до неприличия молода, а уже давно чувствую, как жизнь утекает сквозь пальцы.

Боюсь, однажды я проснусь, а оставшихся дней окажется меньше, чем пунктов в моем бесконечном списке целей.

Мне не хочется умереть с осознанием, что я не сделала ничего стоящего.

Когда я села на тот самолет, отправляясь на другую сторону света с билетом в один конец, меня занимала единственная мысль: я делаю это лишь потому, что однажды умру. Потому что к тому моменту я хочу гордиться той, кем стала. И если для этого нужно оставить все в прошлом, я готова.

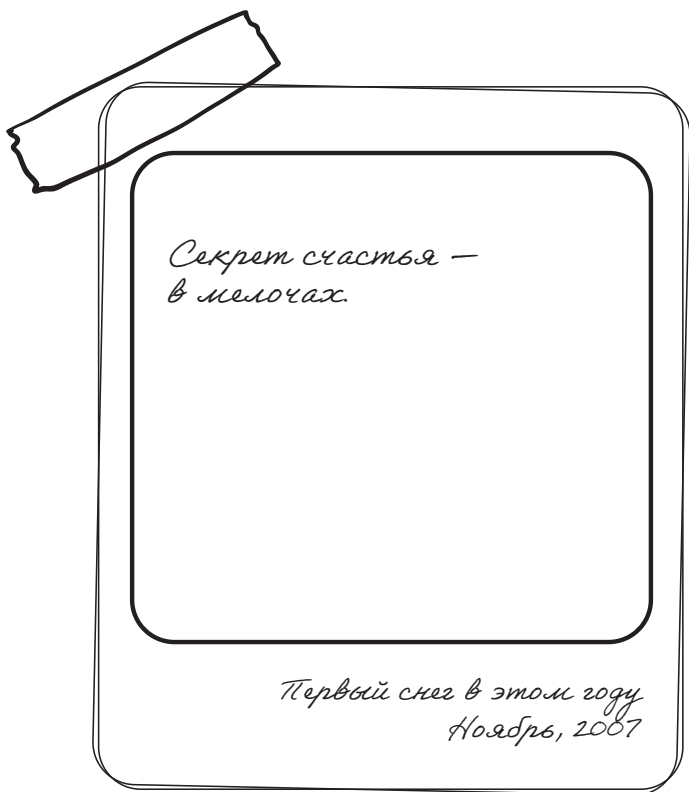
Я сбилась со счета, сколько лет потратила на то, что не приносило мне радости.

«Все ради смерти, смерти, смерти».

«Все ради жизни, все ради того, что мне еще предстоит испытать». Никто не ждал меня там, куда я направлялась.

Когда я сойду с этого самолета, я останусь одна. Эта мысль пугала меня.

Но никогда прежде я не чувствовала себя такой свободной.

На лицевой стороне снимка — мальчик и девочка, позирующие в снегу. У нее покрасневший от мороза нос и улыбка до ушей. А он перепачкался настолько, что после его возвращения домой в таком виде мать всерьез задумается, не бросить ли его самого в стиральную машину вместе с одеждой.

Часть первая

Прибытие

1

Мэйв, апрель, 2023

От Майами до этой деревни, название которой я до сих пор не могу выговорить, примерно восемь тысяч километров.

В последний раз я была здесь в шесть лет — с короткой стрижкой до ушей и твердой уверенностью в том, что я счастливый ребенок. Теперь я гляжу в окно на заснеженные улицы и меня бесит, что я совершенно ничего не помню. Всего пять вечера, а темно словно глубокой ночью. В деревне беда с освещением: фонари стоят в лучшем случае через каждые триста метров. Когда мы въезжаем в лес, дорогу освещают только фары такси.

С нервной дрожью в ноге я проверяю адрес, записанный в заметках телефона: 614 2501. Саркола, Пирканмаа.

Звучит как скороговорка. Или заклинание. Но нет.

Это деревня моей мамы.

Когда-то она была и моей. Я не отрекаюсь от своих корней, просто не помню их. Я не вижу здесь ничего родного — ни в этих высоких деревьях, обрамляющих дорогу, ни в деревянных домах с красными стенами и серыми крышами, которые мы только что проехали. Мне бы хотелось увидеть старые фотографии мамы, но у отца не осталось от нее никаких памятных вещей — и у меня тоже. Я приехала сюда вслепую. Даже в интернете удалось найти немного — только то, что это маленькая деревня с населением в шесть сотен человек, где нет даже супермаркета. Несомненно, это послед-

нее место на земле, куда захотел бы поехать нормальный человек в здравом уме.

А я, чтобы добраться сюда, потратила большую часть своих накоплений. Я уже сбилась со счета, сколько часов провела в пути. Согласно информации в билетах, дорога заняла тридцать шесть часов — вместе с пересадками, перелетами и поездками на автобусах. Я спала в аэропортах, прошла шесть проверок безопасности и полностью утратила ощущение времени. Когда я уезжала, в Майами было светло, а теперь уже стемнело, но я не знаю, какой сегодня день недели — пятница, суббота или воскресенье. Обратного билета у меня нет. Могу представить, что сказал бы Майк, увидев меня в таком положении.

«Даже для тебя это слишком».

Я отгоняю эти мысли прочь, пока они снова не начали меня мучить, как это было в последние тридцать шесть часов.

— *Olemme täällä, neiti**. — Таксист смотрит на меня в зеркало заднего вида. Машина остановилась, и даже без знания языка ясно: мы наконец приехали.

Я вновь смотрю в окно. Там, в крошечной тьме, стоит старый дом моей семьи. Он пустует вот уже четырнадцать лет, с тех самых пор как мы уехали. Не знаю, чего я ждала от этой поездки. Возможно, надеялась, что смогу просто войти, открыв дверь ключом, который бережно храню в ящике стола, — одно из немногочисленных воспоминаний о маме. Что вернусь в дом, где прошли мои первые годы жизни, — и все вдруг станет как прежде. Что я наконец почувствую родной уют. Что смогу попрощаться с этим гнетущим одиночеством, которое столько лет подтачивает меня изнутри.

Я могу быть не только импульсивной, но и слишком наивной.

Заметив, что я не реагирую, таксист хмурится. Мне пора открыть дверь и выйти из машины. Но я продолжаю сидеть на месте.

— Вы не знаете, где тут поблизости хостел? — спрашиваю я, старательно скрывая дрожь в голосе. Руки трясутся так, что приходится прятать их под колени. Надо смотреть на вещи трезво: в этом

---

* Мы на месте, мисс (финск.).

доме нельзя оставаться на ночь. Он стоит в лесу, пустует много лет — наверняка там нет ни воды, ни электричества, ни отопления. Сейчас я не смогу со всем этим разобраться. — Хостел, — повторяю я, видя на его лице замешательство. — Отель. Чтобы переночевать.

Он понимает, его взгляд оживляется. Кивнув, он снова трогается с места. Я откидываюсь на спинку сиденья, облегченно вздохнув. Может, он и не осознал всей сложности ситуации, но, по крайней мере, знает, что я хочу убраться из этого леса. Честно говоря, он даже немного успокоился. Может быть, его тревожила мысль оставить меня здесь одну — вдруг на меня набросится медведь, и это событие навсегда останется пятном на его совести.

Через несколько минут такси останавливается перед большим домом, где на крыльце горит свет, и тут я понимаю, что: а) таксист что-то говорил, но я не поняла; и б) он, похоже, воспользовался моим незнанием курса евро и взял больше денег, чем следует. Я решаю не заикливаться на этом — в конце концов, он мог бросить меня одну в лесу. Да и как я предъявила бы ему претензии? Пожалуй, первым делом куплю себе словарь. И нормальные ботинки. Эти явно не для снега: от холода я уже давно не чувствую ног. Должно быть, за окном минус двадцать пять, в Майами такая температура немыслима. Сколько бы слоев одежды я ни надела, дрожь не проходит.

Интересно, не из-за озера ли такая влажность вокруг. Проклятое озеро. Я его уже ненавижу, хотя и не видела еще.

Что, ради всего святого, я здесь делаю?

«Сумасшедшая. Ты сумасшедшая».

«Ты должна быть дома. Со мной».

«У нас было будущее. У нас была жизнь».

Я вхожу в хостел.

Первое, что бросается в глаза, — у здания две двери. Внешняя ведет в крохотное помещение с решетчатым полом, где можно стряхнуть снег с ботинок, прежде чем открыть следующую. Второе, что поражает, — это тепло. Отопление работает на полную мощность. Пол устлан серой ковровой дорожкой, стены обшиты деревом, мебель выполнена в деревенском стиле. Я вхожу внутрь, волоча за со-

бой чемодан, с рюкзаком на плече. У стойки регистрации звоню в колокольчик, не снимая перчаток. Заметив на ковре следы от своих ботинок, чувствую укол вины. Возможно, стоило разуться.

Надеюсь, здесь найдется свободный номер.

Как же правильно поздороваться? «Доброе утро»? «Добрый вечер»? «Доброй ночи»? Сейчас всего пять вечера.

— Здравствуйте, — наконец решаю я. Изо всех сил стараюсь натянуть улыбку, когда из-за двери у стойки появляется мужчина лет пятидесяти. Коротко стриженный, в рубашке в клетку, с длинной бородой. — Я... — Откашливаюсь. — Не могли бы вы подсказать, есть ли у вас...

— Свободные номера? Конечно.

«Слава богу. Наконец-то нашелся кто-то, кто говорит по-английски».

Прежде чем повернуться к компьютеру и начать что-то печатать, он окидывает меня беглым взглядом. Видимо, достойного впечатления я не произвожу: укутанная в одежду с ног до головы, с рюкзаком и чемоданом, я, должно быть, напоминаю потерянного щенка.

— Мне нужно остановиться на несколько дней, — добавляю я. — Готова заплатить сколько нужно наличными. — Не хотелось бы, чтобы отец отследил мои покупки по кредитной карте.

Мгновение он хмурится, но после короткой паузы спрашивает:

— Вы из Америки?

— Из Майами. — Я стараюсь перевести разговор на него, чтобы избежать лишних вопросов: — Вы тоже не местный, я права? У вас очень выраженный британский акцент.

— Я родом из Манчестера, Англия. Уже много лет живу здесь с женой и детьми.

Манчестер. Я была там несколько раз, когда сопровождала Майка по рабочим делам. Уже собираюсь сказать об этом, но вовремя останавливаюсь. Если я действительно хочу оставить ту жизнь в прошлом, нужно прекратить о ней говорить.

— Здорово, что здесь нашелся кто-то, кто говорит по-английски, — произношу я вместо этого.

Его смех меня немного удивляет.

— Скажи это моим детям, особенно близнецам. Им изучение языка дается с трудом. — Из дома доносится женский голос. Мужчина отвечает что-то непонятное и снова поворачивается ко мне. — Это моя жена, — с улыбкой объясняет он.

Через несколько секунд она выходит, держа на руках ребенка. У обоих светлая кожа, раскосые глаза и белые, почти как снег, волосы. Она обменивается несколькими словами с мужем.

— Ханна спрашивает, что привело тебя сюда, — говорит он.

— А она разве не?..

— А, нет. Она говорит по-английски. Просто старается не делать этого при Нико.

— Хотим приучить его к двум языкам в доме, — шепчет она мне, устало улыбаясь. Я невольно восхищаюсь силой ее рук: мальчик явно уже не малыш. На вид ему лет пять-шесть. Он точно весит целую тонну.

— Мне нужно где-то переночевать. — Видимо, они ждут более развернутого ответа, но в подробности я вдаваться не собираюсь. — Я думала, здесь хостел.

— Когда в округе появляются приезжие — да, — отвечает мужчина. — Но это бывает нечасто, так что обычно это просто дом.

— У нас рядом есть небольшой продуктовый магазин, — добавляет Ханна, по-прежнему не повышая голос.

— Это ведь маленькая деревня, да? — спрашиваю я.

— *Очень* маленькая.

— Наверное, в этом и есть ее очарование.

Эти слова вызывают у нее улыбку.

— Да. У меня была подруга, которая любила так говорить. — Она поворачивается к мужу. — Комнаты не готовы. Можешь дать ей домик, где жил последний постоялец. Он очень уютный, — уверяет она меня. — Тебе понравится.

— Спасибо. — Мне важно только одно: кровать и тишина, чтобы можно было спать.

Мужчина снова принимается за клавиатуру.

— Мне нужны твои данные для регистрации, эм...

— Мэйв, — представляюсь я. — Мэйв Фрейзер.

Лицо Ханны застывает.

Они обмениваются удивленными взглядами и сосредоточенно смотрят на меня. В комнате воцаряется абсолютная тишина. Они словно видят меня впервые.

— Ты так на нее похожа, — шепчет Ханна. — Не понимаю, как я раньше этого не заметила.

Мое сердце екает.

Я знаю, о ком она говорит.

— Вы знали мою маму?

Женщина открывает рот, но тут же его закрывает, не находя слов. В этот момент ребенок начинает капризничать у нее на руках. Я слышу в ушах биение пульса. Мне хочется заставить Ханну ответить, расспросить ее о маме, узнать все истории, которые та никогда мне не рассказывала. Но тут вмешивается ее муж, кладет руку ей на плечо и слегка сжимает.

— Мэйв только что прилетела из Майами. Она, должно быть, устала с дороги. Давай дадим ей обустроиться. И выспаться. Мы можем поговорить утром. — Женщина кивает, все еще не выйдя из оцепенения. Он провожает ее внутрь дома и, вернувшись, снова садится за компьютер. — Мне нужны твои остальные данные, Мэйв. Не волнуйся, это недолго.

Следующее, что я помню, — как на автомате диктую свои данные: Мэйв Фрейзер, двадцать лет, проживаю в Соединенных Штатах, мой номер паспорта... Наверное, в этот момент я бы больше и не смогла о себе рассказать. Джон — он сказал, что его так зовут, — предложил донести мой чемодан до комнаты. Мы выходим из хостела, и я тут же начинаю скучать по отоплению. К счастью, домик недалеко; дверь находится в двух минутах ходьбы, справа от главного дома, напротив озера.

Меня успокаивает, что он примыкает к основному зданию: значит, есть надежда на отопление.

— Раньше мы использовали его как кладовку, — рассказывает Джон, возясь с замком. — Несколько месяцев назад моя жена

настояла на том, чтобы сделать здесь ремонт, и теперь это одно из наших лучших мест для проживания. У тебя будет больше личного пространства.

Когда Джон зажигает свет, я убеждаюсь, что Ханна отлично поработала над оформлением. Пол и стены обшиты деревом, мебель простая, в деревенском стиле: двуспальная кровать, круглый ковер, комод, диван и дверь, ведущая, вероятно, в ванную. Пока Джон разжигает камин, я тру руки, пытаюсь согреться. Здесь довольно холодно.

— Как вы познакомились с моей мамой? — я не могу удержаться от вопроса, наблюдая, как он укладывает дрова.

— Мы были хорошими друзьями, — со вздохом объясняет он. — На самом деле ты часто бывала у нас. Думаю, ты этого не помнишь. Когда вы уехали, ты была совсем крохой.

Что-то сжимается в груди. Это правда. Я не помню.

Но эти люди знали мою маму.

Она была здесь.

Может быть, стояла в этой самой комнате.

Пламя вспыхивает, когда Джону наконец удается разжечь огонь. Отряхивая руки, он встает.

— Убедись, что огонь продолжит гореть. Я надеялся, что отопление работает, но, учитывая, как здесь холодно, нам не повезло. Я проверю его утром. Думаю, пора дать тебе отдохнуть. Если захочешь поужинать, могу попросить свою дочку Сиенну принести тебе чего-нибудь. Или Луку с Коннором, но они, пожалуй, могут тебя нечаянно отравить, — шутит он.

Лучше бы он не был таким добрым ко мне. Моя броня дает трещину, и вся тяжесть поездки обрушивается разом: холод, усталость, одиночество, неуверенность. Я даже не знаю, что буду делать завтра. Не знаю, как сказать отцу, что больше не вернусь домой. И не знаю, как продержаться еще секунду, чтобы не разрыдаться.

— Я не уверена, долго ли смогу оплачивать проживание, — искренне признаюсь я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — У меня нет... нет другого места, куда я могла бы пойти. На телефоне нет связи, деньги только наличными, и мамин дом...

— Мэйв, — его голос звучит твердо и спокойно, как у отца, привыкшего утихомиривать маленьких детей, — уверен, ты собираешься задержаться здесь надолго.

Эти слова приводят меня в чувство. Силой заставляю себя не опускать руки. Я не проронила ни слезинки, когда садилась в самолет. И сейчас не собираюсь.

— Я не вернусь в Майами. — Если в чем-то я и уверена, так именно в этом. Мне неизвестно, где мое место в мире, но точно не там.

— Тогда нам явно будет о чем поговорить. Обсудим это утром. А сейчас тебе нужно немного отдохнуть.

— Я обещаю заплатить, сколько смогу.

Он мотает головой, направляясь к двери.

— Добро пожаловать в Финляндию, Мэйв, — произносит он, открывая дверь. — Теперь ты дома.

* * *

В мою первую ночь в Финляндии мне снятся Майк, папа и Бренна, неработающий телефон и на бешеной скорости пролетающий над лесом самолет.

Меня будит чье-то мурлыканье.

И что-то мягкое и пушистое, трущееся о мою щеку. Я резко открываю глаза и вскрикиваю от ужаса.

— Чертова зверюга! Пошел вон отсюда!

Я вскакиваю. Животное отпрыгивает назад и выгибает спину в оборонительной позе. Это черный кот с зелеными глазами, и выглядит он довольно рассерженным. Как, черт возьми, он сюда забрался? Вчера я точно закрывала окна.

— Ты меня напугал, — упрекаю я его, переводя дыхание.

В ответ раздается фырканье.

Я оглядываю спальню, и вся тяжесть последних дней снова наваливается на мои плечи. На секунду я забыла, где нахожусь: в крошечной деревушке в Финляндии, в восьми тысячах километров от дома, вдали от отца и его новой семьи. Вдали от всей моей жизни. Вдали от Майка.

Кот мяукает.

— Ты здесь не останешься, — предупреждаю я.

По крайней мере, теперь у меня есть цель — выдворить это чертово создание из моей чертовой комнаты — и благодаря этому, кажется, я окончательно не раскисну.

Он невозмутимо смотрит на меня уже с прикроватной тумбочки. Уселся прямо рядом с моим телефоном. Видимо, рассчитывает, что я потянусь за ним, — чтобы сразу цапнуть за руку. У меня никогда не было домашних животных, но о кошках я знаю точно: они любопытные, равнодушные и коварные. Именно поэтому они мне никогда не нравились. Особенно ненавижу их сейчас, когда думаю, что, если спросить Майка о моей нынешней репутации, он бы, наверное, описал меня теми же словами.

«Любопытная, равнодушная и коварная».

«Как ты могла уйти? Как ты могла бросить меня здесь?»

В дверь стучат.

Я осторожно выбираюсь из постели, не теряя из виду неожиданного гостя, на случай если он вдруг решит накинуться. Даже через два слоя носков я чувствую, насколько холодный пол. Чтобы выглядеть более или менее прилично, я снимаю пижамные штаны, оставив только термолосины. Ночью я не послушалась совета Джона и погасила огонь перед сном, хотя к тому времени домик еще не успел прогреться, — мне было страшно спать с горящим камином. Конечно, тело не привыкло к таким температурам, поэтому пришлось импровизировать. Я не могла сомкнуть глаз, пока не надела на себя почти всю одежду из чемодана.

Понятия не имею, сколько я спала. Подхожу к двери.

— В моей комнате кот, — жалуясь я, как только открываю дверь.

— На самом деле это ты в *его* комнате.

Это не голос Джона.

Я поднимаю глаза. Сегодня на улице светло, не то что вчера, и я вижу все вокруг. Зимний пейзаж Финляндии завораживает. И именно он должен был захватить все мое внимание. Дикая растительность, земля, покрытая снегом, замерзшее озеро, ветер, рас-

качивающий ветви деревьев, оранжевое небо, солнце, прячущееся за горизонтом.

Но я не могу оторвать взгляд от парня передо мной. Он облокотился на перила крыльца, засунув руки в карманы куртки. Глаза у него зеленые с карим отливом, а волосы длинные и лохматые — каштановые, волнистые, но не кудрявые. В нем есть что-то такое, что заставляет мое сердце биться чаще, и я изо всех сил сжимаю дверную ручку. Не совсем понимаю, в чем дело, но предполагаю, что проведу значительную часть своего времени здесь, пытаюсь это выяснить. Возможно, все дело во взгляде. Он смотрит на меня, как будто видит призрака. Тишина затягивается, и мгновения кажутся вечностью.

— Мы не встречались раньше? — Вопрос вырывается сам собой. Я вижу в этом парне кого-то до боли знакомого.

Что-то мелькает в его глазах — не могу понять, это удивление, грусть или разочарование. Впрочем, оно исчезает так быстро, что, когда он одаривает меня своей очаровательной улыбкой, я думаю, что мне просто показалось.

— Добро пожаловать в реальный мир, Спящая красавица. Я уж думал, ты никогда не проснешься. — Я улавливаю некоторое напряжение в его плечах под теплой коричневой курткой. В остальном он выглядит таким спокойным, что если не наблюдать за ним пристально (как это делаю я), то и не заметишь, что это лишь фасад. — Я Коннор Оксман, — представляется он, — один из сыновей Джона.

Несколько лет назад, в старшей школе, я узнала о феномене человеческого мозга под названием «летологика». Это слово происходит от греческого, где *lethe* означает «забвение», а *logos* — «слово». Знаете, бывает так, что память нас подводит и мы забываем, что намеревались сказать, хотя подсознательно понимаем, о чем идет речь. Обычно это касается конкретных вещей: названий книг, фильмов, мест или имен людей. Если бы мне пришлось описать Коннора одной фразой, я бы сказала так: он как воспоминание на кончике языка, которое никак не можешь ухватить, сколько ни пытаешься.

Интересно, испытывает ли он то же самое по отношению ко мне. Скорее всего, нет и я просто брежу. Возможно, всему виной усталость, смена часовых поясов или еще что-то в этом роде.

— Сколько я спала? — немного смущенно спрашиваю я, потому что у меня болит голова и восприятие времени еще не наладилось. Да и темнеет тут так рано, что полагаться на ощущения не стоит.

— Почти целый день. Но я уверен, что это меньше, чем тебе необходимо. — Он бросает на меня оценивающий взгляд. Я вопросительно поднимаю брови, и он добавляет: — Почему у тебя такой вид, как будто ты вернулась из снежной экспедиции?

— Замерзла. — Сейчас я жалею, что не глянула в зеркало, прежде чем открыть дверь, но я не хочу показывать, что нервничаю из-за этого.

— Я думал, отец оставил тебе горящий камин.

— Я потушила его перед сном. Не хотелось сгореть заживо.

— Ты предпочла бы замерзнуть насмерть. Я тебя понял.

— У меня есть плоды. И одежда. — Зачем я вообще оправдываюсь? — Можешь забрать своего кота из моей комнаты, пожалуйста?

Услышав меня, Конрад цокает языком, и я напрягаюсь, когда он идет в мою сторону. Наклоняется, чтобы оглядеть комнату. Внезапно он оказывается так близко, что я инстинктивно задерживаю дыхание. Сжимаю дверную ручку до боли в пальцах.

— Его зовут Онни. По-фински это означает «удача». И у него свободолюбивая натура. — Конрад быстро отступает, но я все еще напряжена. — На самом деле удивительно, что он тебя не выгнал.

Отлично.

Я фыркаю, разворачиваюсь на пятках и возвращаюсь внутрь. Воспользовавшись тем, что дверь осталась открытой, Коннор заходит следом без приглашения — что меня почему-то совершенно не удивляет. Едва увидев его, кот мяукает, спрыгивает на пол и тут же начинает тереться о ногу. Хозяин нагибается, чтобы его погладить.

— Черный кот по имени Удача? — Я только сейчас осознаю это и останавливаюсь. Присаживаюсь на колени перед чемоданом, чтобы найти, что надеть.

— Мне показалось это забавным, — отвечает Коннор у меня за спиной.

— Он всегда пристаёт к туристам?

— Только к тем, кто ему нравится.

— Кажется, он пытался меня убить.

— Сомневаюсь. Если бы хотел, то убил бы.

— Знаешь, меня это ничуть не успокаивает.

Краем глаза я замечаю, что он наблюдает за мной, и мое сердце начинает биться чаще.

— Что ты делаешь?

— Ищу теплую одежду. На улице жуткий холод.

— Мой дом в десяти метрах отсюда.

— Значит, это будут десять метров настоящего ужаса. — Я продолжаю рыться в чемодане, вытаскивая еще пару носков и один из самых теплых свитеров. — Джон послал тебя за мной? — нарушаю тишину.

— Вроде того. Родители хотят, чтобы ты поужинала с нами. Наверное, собираются познакомить тебя с моими братьями и сестрой.

— Вас много?

— По мне, даже слишком. Могу подарить тебе кого-то одного, если хочешь.

Поскольку под толстовкой у меня термофутболка, я без стеснения снимаю ее, чтобы надеть свитер. Коннор уже не обращает на меня внимания: он снова наклонился погладить кота, который не перестает мурлыкать.

— Ты старший?

— Нет, Сиенна старшая. Мы с Лукой средние. Мы близнецы. Ты нас легко различишь. Я — красавчик. А он — вечно ворчит. — Он распрямляется, и в ту же секунду кот выскакивает из домика в неизвестном направлении. — Нико самый младший. Лука зовет его монстриком, но он не настолько плох. Мог быть и хуже. Я вот был намного хуже.

Если мысль о том, чтобы проводить больше времени с Ханной и Джоном уже вызывала у меня головокружение, то теперь, узнав, что семья такая большая, это чувство только усилилось. Однако я не собираюсь отступать. Я сделаю это. Ради мамы.

— Для меня ведь найдется место за столом?

— За столом? Конечно нет. Ты в Финляндии. Здесь гости едят на полу.

— Очень смешно.

— Можешь сесть рядом с котом.

— Мне не нравится эта зверюга.

— Ты приехала сюда издеваться над нашими традициями и оскорблять наших питомцев?

Я замечаю, как трудно ему сдерживать улыбку. Решив не обращать внимания, я продолжаю одеваться. Натягиваю пальто и джинсы и нерешительно берусь за ботинки.

— Вы разуваетесь перед тем, как войти в дом?

Я поднимаю взгляд, и наши глаза встречаются. Что-то меняется в его выражении лица, будто мой вопрос почему-то показался ему очень важным.

— Тебе понадобится более подходящая обувь для холодов, но да. Надень хорошие носки. — Он снова засовывает руки в карманы. И я опять замечаю легкое напряжение в его плечах, когда он поворачивается к выходу. — Приятно знать, что хотя бы что-то ты не забыла.

2

Мэйв

В апрельских сумерках, когда на улице температура опустилась на несколько градусов ниже нуля, в доме Джона и Ханны тепло и пахнет свежим хлебом, маслом и ухой.

Я следую за Коннором от маленького пристроенного домика, где остановилась, к их дому. Хотя на сборы у меня уходит немного времени — обуть ботинки, надеть куртку и шапку (пока я не отказалась ни от одного предмета одежды, несмотря на его настоятельные уговоры), — к нашему выходу солнце уже скрылось. В озере все еще отражаются оранжевые оттенки неба, а вдалеке, в лесу, ветерок раскачивает ветки деревьев. Коннор всю дорогу идет позади. Вплоть до самого дома я не могу отделаться от чувства, что он смотрит, и, только когда мы подходим к двери, он обходит меня, чтобы открыть замок.

— Это для снега? — спрашиваю я, когда мы заходим в крохотный вестибюль с решеткой на полу, которая привлекла мое внимание вчера. Коннор кивает, отряхивая ботинки.

— Тут снег идет большую часть года. Двойная дверь — от холода, чтобы сохранить тепло. Снимай обувь. И куртку, и шапку, и все остальное. Я уже говорил, что здесь ты упреешь от жары.

Действительно, отопление работает на полную — я замечаю это сразу, как только вхожу, но при такой стуже на улице идея сбросить верхнюю одежду вызывает у меня недоверие. Коннор даже не дает мне возможности возразить. Он снимает ботинки и куртку и направляется к стойке, оставшись в одной футболке.

Я тороплюсь сделать то, что он сказал, и следую за ним, чтобы он не оставил меня позади.

— Что тут написано? — я указываю на табличку на стене. На ней выведено что-то по-фински.

— «Жемчужина». Это название хостела. — Если его и раздражает, что я не перестаю задавать вопросы, он этого никак

не показывает. — Туристов приезжает немного, поэтому большую часть времени мы занимаемся магазином. Обеспечиваем деревню основными продуктами. Если кому-то нужно что-то более... особенное, приходится ехать в город. Он в двадцати километрах отсюда.

Мы проходим через дверь за стойкой в жилую часть дома — уютную гостиную с камином и парой диванов. Из комнаты в глубине, где, предполагаю, находится столовая, доносится шум.

— А как называется город?

— Нокиа.

«О, а у меня такой телефон был».

— Твои родители всегда этим занимались?

— «Жемчужиной»? Да. Это семейный бизнес. Раньше он принадлежал моим бабушке и дедушке, потом его унаследовала мать, а теперь им управляем мы. — Мы останавливаемся перед закрытой дверью. — Готова?

Он открывает ее прежде, чем я успеваю сказать «нет».

В столовой пять человек. Трое — блондины со светлой кожей: Ханна, парень (ровесник Коннора) и маленький мальчик; остальные двое — шатены: Джон и девушка лет на десять старше меня, и оба они сильно похожи на Коннора. В комнате царит оживление; пока Джон и Ханна заканчивают готовить еду, их дети накрывают на стол. Вся мебель выполнена из дерева, а стены увешаны фотографиями. Для такой большой семьи здесь гораздо тише, чем я ожидала, и это удерживает меня от инстинктивного порыва отступить.

Ханна тут же замечает наше появление.

— Коннор! — восклицает она и говорит что-то по-фински, чего я, естественно, не понимаю.

Они обмениваются короткими фразами.

— Что она сказала? — тихо спрашиваю я у Коннора.

— Пожурила меня за то, что я пошел за тобой.

Я хмурюсь. А мне казалось, его как раз попросили это сделать.

— И что ты ей ответил?

— Я сказал, что хотел сделать твое пробуждение приятным. — На его губах играет озорная улыбка, хотя в глазах нет тепла. —

К тому же не слишком вежливо оставлять тебя ужинать одной в домике после того, как ты пересекла полмира, чтобы сюда добраться.

— Мэйв, дорогая, как ты? Ты хорошо спала? — Ханна подходит к нам. При ее приближении Коннор исчезает, как будто боится, что его выпнут на улицу, прямо на мороз. — Надеюсь, тебе удалось отдохнуть. Джон сказал, что в домике сломалось отопление.

Она выглядит довольно расстроенной. Качаю головой, чтобы сбить градус напряжения. Забавно: мы совершенно незнакомы, и все же ее забота кажется такой успокаивающей.

— Я прекрасно спала. Спасибо, Ханна. — Я вижу, как Джон накрывает на стол, и у меня урчит в животе. Чувствую прилив стыда. Я ничего не ела почти сутки.

К счастью, Ханна тактично этого не замечает.

— Пойдем, я познакомлю тебя с моими детьми. Сиенна, Нико, Лука, идите поздороваться.

Я следую за ней к столу, где уже сидит девушка лет двадцать шести — двадцати семи. Ее каштановые волосы свободно лежат на плечах. Она встречает меня доброжелательной улыбкой.

— Мэйв! — радостно приветствует она меня. От такого энтузиазма я жду, что она кинется обниматься. Вместо этого девушка лишь протягивает руку. — Как здорово снова видеть тебя здесь. Я Сиенна. Помнишь меня? Сколько лет прошло.

Ощущаю горький привкус во рту. Она, должно быть, была подростком, когда я уехала. Понятно, почему она все это помнит. Хотелось бы, чтобы и я могла.

— Мы были подругами? — робко спрашиваю я.

— Типа того. Я иногда присматривала за тобой. Была кем-то вроде няньки.

— Надеюсь, я хорошо себя вела.

— О, по сравнению вон с ним у тебя был просто золотой характер, — шутит она, указывая на Коннора.

— Как дела, Мэйв? — приветствует меня Джон, ставя кастрюлю на стол.

— Это рыбный суп, — шепчет Сиенна.

— Садись, — предлагает Ханна. — Попросим ребят принести еще приборы и стул. Я не знала, что ты присоединишься к нам на ужин.

Хотя я понимаю, что в этом комментарии нет злого умысла, мне все равно становится не по себе. Я вторглась в их дом, похоже, без приглашения и собираюсь ужинать с их семьей. Уже слишком поздно отступать, поэтому я сажусь, как мне сказали. Чувствуя неловкость, складываю руки на коленях. Вокруг снова начинают говорить на финском.

Крохотный пальчик дотрагивается до моей ноги.

— Твои волосы кто-то поджарил. — Это Нико, малыш, которого Ханна укачивала вчера. У него большие голубые глаза, как у матери. Наверное, в округе он не видел никого с такими темными волосами.

— А из твоих кто-то весь цвет украл, — подхватываю шутку я, потому что он белый, как снег.

Малыш надувает губы и начинает плакать.

— С кем ты лучше управляешься — с детьми или кошками? — Коннор садится рядом. Теперь он даже не пытается скрыть улыбку.

— Сделай что-нибудь, чтобы он перестал, — умоляю в отчаянии.

Он принимает серьезный вид и говорит что-то Нико по-фински. Мальчик перестает плакать и смотрит на меня широко раскрытыми глазами.

— Можно узнать, что ты ему сказал?

— Что, если он проронит еще хоть одну слезинку, ты заберешь его в темницу, — невозмутимо отвечает Коннор. Я расплываюсь в идиотской улыбке. — Передай, пожалуйста, масло.

Не отрывая от меня глаз, Нико стремительно отступает к дальнему концу стола.

Больше он не плачет.

Все еще пребывая в изумлении, я передаю Коннору масло; он берет кусок хлеба из корзинки и начинает намазывать его как ни в чем не бывало.

Сиенна тем временем не спускает с нас глаз.

— С каких это пор ты сидишь тут? — дразнит она Коннора.

Он пожимает плечами:

— С сегодняшнего дня.

— Интересный выбор.

— Сиенна, заткнись.

Она улыбается и отвечает ему что-то по-фински. Откусывая кусок пирога, Коннор показывает ей средний палец.

Интересно, была ли и наша семья такой, когда мы с мамой и папой жили здесь. Собирались ли мы все вместе за столом, расспрашивала ли мама о моих делах, помогала ли с уроками... Атмосфера в нашем доме на протяжении многих лет была такой... холодной, что мне трудно поверить, что когда-то могло быть иначе.

Между Сарколой и Майами семь часов разницы. Интересно, чем занимается мой отец? Он возглавляет одну из крупнейших технологических компаний в стране и, скорее всего, сейчас обедает в офисе, пока его секретарь Даррен напоминает ему о запланированных на день встречах. Потом он вернется в особняк и поужинает с Бренной, своей женой. Бренна тоже весьма успешна: работает в известном агентстве недвижимости, именно она нашла дом, в котором они с папой теперь живут. Честно говоря, мы не особо близки. Я никогда не воспринимала это место как свой дом.

Я не появлялась в том доме уже много лет. Когда я поступила в университет, перебралась в небольшой лофт в городе, потому что мне нужно было оттуда уехать. Год училась предпринимательскому делу — по просьбе отца, — пока не осознала, что это не мое, и не уехала в Портленд изучать аудиовизуальные коммуникации. По правде говоря, особых причин улетать на другой конец страны не было — просто хотелось сбежать подальше от прежней жизни. Наверное, где-то в глубине души я с самого начала понимала, что что-то идет не так. В Портленде я делила квартиру с девушкой по имени Лия. Я могла выбрать любую другую профессию. Никакой определенности в плане будущего у меня не было и нет. В середине семестра я поняла, что еще не так далеко ушла и не поздно все бросить. Именно Лия и ее парень отвезли меня в аэропорт.

И вот я здесь.

Надо бы написать Лие, поблагодарить. И сказать, что я в общем и целом в порядке. Уже несколько дней от меня ни слуху ни духу. Наверняка она волнуется. И готова поспорить, что ее бойфренд Логан сейчас жутко на меня злится из-за этого.

Никак не пойму, почему этот парень вечно не в духе.

Я достаю из кармана телефон. Ничего. Как и ожидалось, связи по-прежнему нет.

— Тебе нужна новая сим-карта. — Джон проходит мимо и ставит на стол дымящуюся кастрюлю. — Лука может привезти, когда в следующий раз поедет на склад за заказами.

— Это я что ли? — отзывается другой голос. Я поднимаю глаза и вижу перед собой того самого Луку.

Они с Коннором очень похожи. У обоих четко очерченная челюсть, курносый нос и широкие плечи, но если у Коннора каштановые волосы, как у отца, то у Луки они светлые с платиновым оттенком. И взгляд строже. Особенно это заметно, когда он смотрит на меня своими голубыми глазами.

— Вижу, ты вернулась, — замечает он. Его лицо остается бесстрастным. — Ты сильно изменилась.

— Так обычно и бывает, когда не видишь человека четырнадцать лет, милый. Люди меняются. — Ханна тоже садится за стол.

Коннор берет половник и сует мне в руку.

— Накладывай, — подбадривает он, словно зная, что без приглашения я не осмелилась бы. Затем обращается ко всем: — Я могу заняться сим-картой для Мэйв. Куплю, когда поеду в город. Кстати, ты знаешь, что можешь подключиться к вайфаю?

— Забей. Я сам разберусь. Мне все равно нужно на склад. Можешь поехать со мной, — неожиданно предлагает Лука. — Заедем в супермаркет, купишь все необходимое.

Коннор открывает рот, чтобы возразить, но я его опережаю:

— Мы можем сначала заскочить в одно место?

Лука хмурится:

— Куда ты хочешь?

— В дом моей мамы.

В столовой воцаряется тишина.

Ханна откашливается.

— Конечно. Лука тебя отвезет, — отвечает она, бросая быстрый взгляд на сына, который не спускает с меня глаз. — Коннор, Фредрике нужна помощь расчистить дорогу к ее дому от снега. Раз Лука будет занят, может, ты этим займешься?

На мгновение мне кажется, что он откажется. Но в итоге он кивает.

— Конечно. Я разберусь. — Затем поворачивается к брату: — Будь осторожен завтра на дороге. Говорят, сильный снегопад будет.

— Ты говоришь так, будто у меня совсем нет головы, — упрекает его Лука.

— У тебя ее действительно нет.

— И с каких пор тебя это волнует?

— Ты будешь в машине не один, — сухо напоминает Коннор. — Делай что хочешь со своей жизнью, но не подвергай риску чужие.

— Коннор, — одергивает его мать.

Даже у меня внутри все сжимается. Сиенна рядом устало вздыхает.

— Они как дети, — говорит она мне. — Нико и то взрослее ведет себя.

— Я уже умею считать до ста! — гордо заявляет тот, выпатив грудь. Потом замечает мой взгляд и, вспомнив слова Коннора, торопливо опускает глаза обратно на тарелку.

Повисшее в воздухе напряжение можно резать ножом. К счастью, длится оно недолго. Джон просит у меня половник, чтобы разлить суп, и братья, кажется, наконец успокаиваются. Мы принимаемся ужинать в тишине, которая нарушается только звоном столовых приборов. Я уже и забыла, какая она — финская кухня. К счастью, Джон неплохо готовит. Сиенна передает мне корзинку с хлебом.

— Получилось поддерживать огонь в камине? — интересуется Джон.

— Нужно проверить отопление в домике, — вмешивается Коннор. — Оно не работает.

Его отец вздыхает:

— Я проверял сегодня утром. Придется вызывать мастера.

Сами мы тут мало что сможем сделать.

— Можем дать Мэйв другую комнату, — предлагает Ханна.

— Она может остаться в той, что рядом с нашей, — соглашается Сиенна. — Мы не позволим ей замерзнуть.

— Когда, говоришь, ты уезжаешь? — спрашивает Лука.

Теперь мне понятно, почему Коннор предупреждал, что тот вечно ворчит.

— Я пока не решила, — признаюсь я.

— Я не хочу, чтобы она спала рядом с моей комнатой, — капризничает Нико.

Краем глаза я вижу, как Коннор пытается спрятать улыбку.

— Ты согласишься спать в одной из комнат наверху? — спрашивает Ханна. — Сиенна, Джон и я будем совсем рядом.

— Мне любая подойдет, — улыбаюсь я. — Спасибо.

Ханна ловит взгляд мужа, тот в знак согласия кивает, после чего она добавляет:

— Я бы хотела поговорить с тобой наедине после ужина, если ты не против...

— Да, — быстро отвечаю я. — Конечно.

Остаток ужина мы проводим в непринужденной беседе. Я пытаюсь помочь убрать со стола в благодарность за угощение, но все наотрез отказываются. Мне удается унести только свою тарелку и тарелку Нико, который буквально вылетел из кресла, когда Онни зашел на кухню. Потом я следую за Ханной в комнату, которая, видимо, станет моей. Деревянная лестница скрипит под нашими ногами. Наверху обстановка такая же уютная, как и внизу. Везде семейные фотографии: на стенах и на мебели. Мне хватает одного взгляда — детские снимки Коннора и Луки, свадьба Джона и Ханна, — чтобы получить ответ на свой недавний вопрос.

Нет.

Моя семья никогда не была такой.

Ханна ведет меня в небольшую комнатку напротив лестницы. Войдя внутрь, я удивляюсь, не увидев кровати. Вскоре я понимаю,

что это не спальня, а что-то вроде рабочего кабинета. Здесь несколько вешалок с одеждой и швейная машинка.

— Это моя маленькая мастерская, — объясняет Ханна. — Она здесь с тех пор, как я была ребенком, когда дом еще принадлежал моим родителям. Твоя мама обожала подниматься сюда со мной. Я шила ей платья на заказ для всех особых случаев.

— Ты портниха? — спрашиваю я с любопытством, рассеянно проводя рукой по развешанным платьям самых разных расцветок и тканей.

— Это скорее хобби. Теперь его приходится терпеть моим детям. Каждый год на Рождество я вяжу им по новому свитеру. — Она тихонько смеется. — Ну и Сиенне на свадьбу, конечно же. Она выходит замуж за адвоката из соседнего городка. Они много лет вместе. Он замечательный человек, вот увидишь. Уверена, скоро ты познакомишься с ним.

— Ханна... — Повернувшись к ней, я замечаю в ее лице какую-то грусть, словно она уже знает, о чем я собираюсь спросить. — Вы с моей мамой были подругами, ведь так?

— Очень близкими. С самого детства. — Она все еще улыбается, но я вижу боль в ее глазах. Ханна опускает взгляд, возможно пытаясь это скрыть. — Твоя мама обожала эту деревню. Я всегда думала, что мы будем жить здесь, по соседству, вместе, как и всегда. Но я встретила Джона, и тот влюбился в Финляндию, а она вышла замуж за твоего отца, у которого были другие стремления. Когда он сообщил нам, что ее положили в больницу, что у нее случился инфаркт... Я надеялась, что все обойдется и мы снова увидимся. Но все произошло так быстро, правда? Мы даже не успели на похороны. Я пыталась связаться с тобой, Мэйв. И с твоим отцом. Но так и не получила ответа. Не могу представить, как тяжело вам было потерять ее так внезапно...

— Мне жаль, что отец не ответил. — Я чувствую, как у меня перехватывает горло. Я не знаю, как Ханна пыталась со мной связаться, но если она отправляла сообщения, я их никогда не получала. — Он не очень... открытый человек. По крайней мере с тех пор.

— Каждый справляется с болью по-своему.

Возможно, она права. И все же мне было бы гораздо легче перестать обвинять отца, если бы его способ «справляться с болью» не заключался в том, чтобы запереть на замок все воспоминания о маме.

— Когда вы уезжали, я и подумать не могла, что вижу твою маму в последний раз, — признается Ханна. — Жизнь такая... непредсказуемая, правда? Нам кажется, что у нас впереди вечность, а потом происходит что-то непредвиденное и приходится прощаться... — Она замолкает, заметив, как я на нее смотрю, и качает головой. — Прости, милая. Мне не стоит говорить с тобой об этом.

— Нет, — быстро перебиваю я. — Я хочу, чтобы ты говорила со мной об этом.

«Я хочу перестать бояться разговоров о смерти».

«Я хочу говорить о маме».

«Я хочу знать, любила ли она меня».

«Мне нужно знать, любила ли она меня».

Ханна, должно быть, читает все эти вопросы на моем лице. Она улыбается грустной улыбкой:

— Я хочу, чтобы ты оставалась здесь столько, сколько тебе нужно. Это твой дом. А мы — твоя семья. Вторая семья. Какой была для меня твоя мама. Я бы хотела заботиться о тебе так же, как она позаботилась бы о каждом из моих детей в такой ситуации. Пообещай, что позволишь мне это сделать.

— Я не хочу никого обременять.

— Ты никого и не обременяешь, — уверяет она. — Здесь найдется место для тебя, если ты этого хочешь.

Как сказала Ханна, жизнь непредсказуема. А еще она полна любопытства, остроты и иронии. Несколько лет я мечтала услышать эти слова, и вот теперь, когда это произошло, я не знаю, что сказать. «Да, я хочу этого». «Мне нужно найти свое место». «Мне нужно знать, что я являюсь частью чего-то».

Но на другом конце света остается отец. И Майк.

Майк, Майк, Майк, Майк, Майк.

Боясь, что голос меня выдаст, я просто киваю. Этого достаточно.

— Она была хорошим человеком, правда? — осмеливаюсь спросить я, когда Ханна поворачивается, чтобы включить швейную машину. — Моя мама.

— Одним из лучших, кого я знала.

— Мне бы хотелось разузнать о ней побольше. Вот почему я хочу побывать в ее доме. Я была такой маленькой, когда она умерла, что ничего не помню, а отец никогда не рассказывал подробностей. Я подумала, что, может быть, здесь, где она жила, я смогу узнать о ней немного больше. Познакомиться с ней поближе.

Лицо Ханны озаряется пониманием. Я чувствую, как будто огромный груз спадает с моих плеч.

— Дом в хорошем состоянии. Я за ним присматривала.

— Правда?

— Твоя мама убила бы меня, если бы я позволила ее дому мечты исчезнуть под снегом, — с улыбкой шутит она. — У тебя есть ключ? Или нужен запасной?

— У меня есть ее ключ. — И я держу его в заднем кармане брюк. Сама не знаю, почему взяла его, когда сегодня Коннор пришел за мной. Думаю, я чувствую себя более уверенно и менее одиноко, когда он со мной.

— Я скажу Луке, пусть отвезет тебя завтра на рассвете, пока светло. Сможешь осмотреть и взять все что душа пожелает. Лука поможет. Он не такой брюзга, каким кажется сначала.

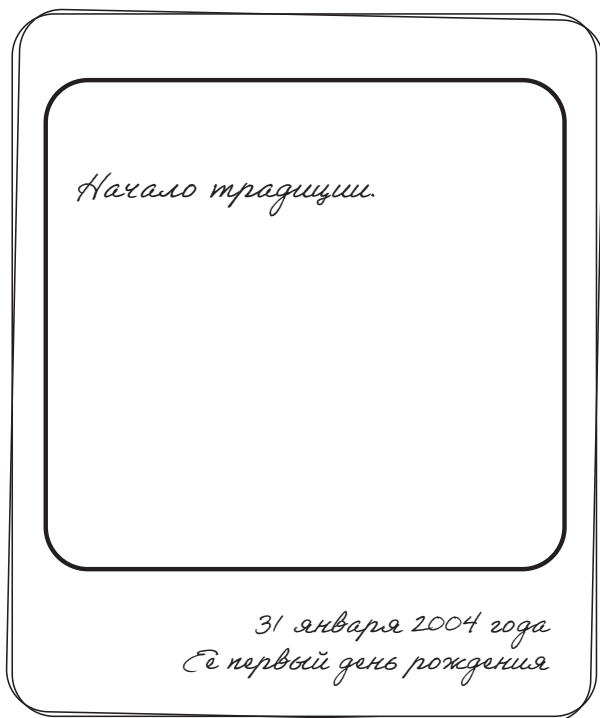
— Приятно это знать.

Ханна тихо смеется.

— Твое пребывание здесь пойдет им на пользу. Им обоим, но особенно Коннору. Ты, наверное, уже заметила, какой он обаятельный. — Она снова поворачивается к машинке и берет со стола лоскуты ткани. — Он был влюблен в тебя, когда вы были детьми. Настолько, что сегодня утром, когда я рассказала ему о твоём возвращении, он помчался к тебе первым.

На лицевой стороне снимка — двое близнецов (один со светлыми волосами, другой — с каштановыми) смотрят в камеру с виноватым видом. Руки перепачканы кремом и шоколадом, а на полу у ног — смятый именинный торт. Фотограф знала: как бы они ни настаивали, доверить им нести торт к столу — плохая идея.

На лицевой стороне снимка — годовалая малышка беззубо смеется и тянет ручку, пытаясь дотронуться до огонька свечи на импровизированном торте. Рядом темноволосый мальчик гордо выпячивает грудь. Это была его идея — заменить торт башней из шоколадных пончиков. Пусть не торт, но куда лучше, чем ничего. В следующем году обе семьи сделают то же самое — заменят девочке именинный торт башней из пончиков. Им казалось, в этом есть что-то особенное. И ей это очень нравилось.

Поэтому они повторяют это и через год.

И еще через год.

И еще через год.

И еще через год.

Пока однажды, после маминой смерти, эта традиция не оборвется. Отец начнет покупать ей обычные торты, и все вернется на круги своя.

Эта традиция забудется, как и многие другие детали ее детства.